

ВВЕДЕНИЕ

1 Предлагаемая читателю работа посвящена изучению культа правителей в эллинистическую и римскую эпохи. Тема, казалось бы, не новая — в мировой историографии существует немало работ, которые посвящены исследованию царских культов в эллинистических государствах Восточного Средиземноморья, Переднего Востока и даже Центральной Азии. Не менее активно изучались также основные черты и особенности культа римских императоров. Однако научная значимость и актуальность данной коллективной монографии (в ее подготовке принимали участие специалисты из ведущих университетов России, институтов Российской академии наук, один из наших польских коллег) заключается в том, что впервые в науке об античности сделана попытка всесторонне осветить царский культ в эллинистических государствах и культ военачальников и правителей в Риме, включая эпоху империи, в их тесном взаимодействии друг с другом на протяжении длительного периода времени. При этом авторы работы поставили перед собой задачу выявить истоки зарождения культа властителей на примере классической Греции и республиканского Рима, а также проследить эволюцию царского культа эллинистической эпохи в условиях повсеместного господства Римской империи, когда на Востоке продолжали сохранять значение эллинистические в своей основе традиции, образ жизни, религия и культы. Этот период в истории государств Восточного Средиземноморья и древнего Причерноморья получил условное название постэллинистического. Для древних государств, к которым можно применить это понятие, характерно почитание римских императоров и греческих в своей основе официальных божеств, по значению близких римским. Однако их населению в гораздо большей степени было свойственно придерживаться идеологии, уходящей корнями в предшествующую эпоху, поэтому в его среде сохранялось почитание богов, связанных с царским пантеоном эллинистического периода. Именно эта особенность религиозной традиции и политического официоза представляет наибольший интерес. Она дает возможность проследить эволюцию эллинистических традиций, греческих в своей основе, и восточных обычаев от более раннего периода к более позднему, когда эллинизм как бы продолжается в новых исторических условиях.

Для того чтобы глубже понять эволюцию царского культа в эпоху эллинизма и в так называемый постэллинистический период, а также во времена Римской империи, большое значение имеет изучение культа правителей на Востоке. В данной работе этой проблеме на примере Древнего Египта посвящены разделы, написанные И. А. Ладыниным. Это, прежде всего, очерк о

древнеегипетских концепциях сакральности царской власти в I тысячелетии до н. э. Автор подробно освещает характерные черты сакральности власти и персонального статуса фараонов в I тыс. до н. э.; это создает основу для дальнейшего обращения к обожествлению Александра Великого и царей династии Птолемеев. И. А. Ладынин обстоятельно обосновывает идею о том, что прижизненный культ великого македонского царя и полководца складывается на основе взаимодействия греко-македонской и египетской традиций. Династический культ египетских Птолемеев исследователь рассматривает в тесной связи с идеологией местной элиты. Он приходит к выводу, что для возвеличивания своей власти путем создания царского культа первые Птолемеи больше обращали внимание на греко-македонские традиции и своих новых подданных, нежели на местное жречество и запросы египетской элиты. И только на более позднем этапе сакрализации власти они стали чаще обращаться к местным египетским истокам и обычаям.

2

Культу правителя в Ахеменидской державе посвящен раздел, написанный Э. В. Рунгом. Автор поддерживает идею о том, что персидские цари не были склонны позиционировать себя в качестве богов, т. е. никакого их обожествления не наблюдалось. Они лишь ограничились сакральной связью с Ахурамаздой, который как верховное божество выступал покровителем их власти. Однако в среде подданных были распространены традиции воспринимать правителей в образе, подобном божественному, поэтому царям были оказаны с их стороны соответствующие ритуальные действия как при жизни, так и после смерти. Синтезу переднеазиатских и греко-македонских традиций в ритуале обожествления царей Селевкидской династии на примере Вавилона посвящено и исследование А. А. Немировского. На основании тщательного анализа эпитетов царей Селевкидской династии в греко-македонских и вавилонских текстах, он делает вывод, что вавилоняне, следуя греко-македонской традиции, уважительно признавали их божественность и «сверхчеловечность». Однако, согласно местной, принятой в Вавилоне традиции сакральности власти, селевкидские властители в разряд богов не попадали.

Упомянутые исследования убедительно показывают, что представления о божественности, богоподобности и сверхчеловечности царей на эллинистическом Востоке больше окрашены в греко-македонские тона, нежели имели корни в местной переднеазиатской почве. Это было вызвано тем, что на большей части территории, подвластной вавилонским, ассирийским царям и Ахеменидам, прямого их обожествления не наблюдалось. И только в Египте, где древний солнечный культ использовался для прославления фараонов и

сакральность власти постоянно внедрялась жречеством в сознание населения, имелись некоторые отступления от этого общего положения.

С другой стороны, представляет большой интерес вопрос об истоках греко-македонского культа владык, который следует искать в эллинском мире доэллинистической эпохи. В разделах, написанных Э. Д. Фроловым и И. Е. Суриковым, исследуются предпосылки формирования идеологии царской власти и династических культов у греков в V–IV вв. до н. э. Исследователи делают акцент на том, что в условиях кризиса полисной идеологии наблюдались попытки тиранов, которых принято называть представителями «младшей тирании», придать некий ореол божественности своей власти. Однако это еще не устоявшийся культ обожествленных правителей, который существовал в эпоху эллинизма, а всего лишь предтеча новых форм в идеологии власти. Они были вызваны общим кризисом полисного мировоззрения и отходом от гражданского, коллективного самосознания в сторону почитания личности человека, стремившегося упрочить свою власть, а также субъективными факторами его индивидуальных особенностей и характера.

3

Истоки почитания власти выявляются также на Кипре на рубеже II–I тысячелетий до н. э. и в начале I тысячелетия до н. э. П. А. Евдокимов, посвятивший раздел царям доэллинистического Кипра, отмечает, что в это время они еще не почитались как боги, но выполняли сакральные функции при отправлении религиозных обрядов. Для укрепления власти у них было принято возводить происхождение к богам и героям, пользуясь при этом символикой и образами, заимствованными из восточных культур и традиций крито-микенской эпохи. В очерке о культе правителей Македонии в доэллинистический период, написанном Ю. Н. Кузьминым, отмечается, что там могла иметь место по-смертная героизация некоторых монархов, но это было скорее исключением. Автор приводит ряд аргументов против тезиса о введении при Филиппе II его собственного общегосударственного культа обожествленного властителя. По мнению Ю. Н. Кузьмина, он использовал средства идеологии и пропаганды, чтобы побудить подданных сопоставлять себя с богами, но никак не настаивал на том, чтобы они провозглашали его богом. Автор отмечает, что даже в правление Антигонидов в Македонии отсутствовал общегосударственный династический культ властителей. Культы царей этой македонской династии вводились в пантеон городских богов исключительно отдельными полисами, а посвящения в их честь делались только частными лицами от своего имени или анонимно. Поэтому культ македонских монархов засвидетельствован главным образом на присоединенных землях и в городах, основанных во время их правления.

Предпосылки формирования царских культов позволяют глубже понять процессы обожествления царской власти на эллинистическом Востоке. Почитание македонских царей в греческих полисах носило в основном политический характер и было востребовано на территориях, присоединенных при Александре Македонском. В статье М. М. Холода об обожествлении этого великого полководца в греческих полисах Малой Азии делается вывод, что введение там культа обожествленного Александра было результатом признательности ему со стороны граждан за особые к ним благодеяния. Это, по его мнению, могло быть инспирировано одним из промакедонски настроенных демократических лидеров, пришедших там к власти при поддержке македонского царя в 334 г. до н. э., поскольку отражало общий благоприятный настрой большей части населения. Культ македонского царя в городах Малой Азии сохранялся на протяжении всей эллинистической эпохи и в течение нескольких столетий римского владычества. В разделе, который посвящен особенностям формирования культа правителя в державе Селевкидов, С. В. Смирнов показывает, что в его основе лежал культ Аполлона как прародителя династии, сформировавшийся уже после смерти Селевка I, скорее всего, при его сыне Антиохе I. Он был первым правителем, который учредил царский культ в форме посмертного культа отца. Со временем из чисто греко-македонского культа культ Аполлона-прародителя стал своего рода идеологическим компромиссом между культурно-религиозными традициями греков, вавилонян, иранцев и других ближневосточных народов. В середине II в. до н. э. культ правителя видоизменился — Селевкиды были вынуждены обратиться к иным его аспектам, которые соотносились с традициями сирийцев, финикийцев и потомков греко-македонян.

Эволюция культа правителя в Пергамском царстве проходит ряд последовательных этапов; исследованию этого материала посвящен раздел, написанный О. Ю. Климовым. Автор убедительно показывает, что почитание властителя в этом государстве, поначалу узко ограниченное рамками одного города, постепенно расширялось и охватывало более широкие слои подданных, проживавших на присоединенных территориях. Особенно большого значения этот культ достигает после выдающихся военных побед и успехов во внутренней политике, которые отличали правление династии пергамских Атталидов с III в. до н. э.

Изучению царского культа в Понтийском царстве и на Боспоре после правления там Митридата Евпатора посвящено исследование С. Ю. Сапрыкина. В нем прослеживается ряд этапов в становлении культа обожествленного царя. Поначалу, с III в. до н. э., когда в Понтийской Каппадокии и Пафлагонии начинается правление понтийских Митридатидов, в царскую идеологию и

пантеон богов вводятся эллинские по характеру культы. Однако до Митридата V Еввергета обожествления царей в Понте не наблюдалось. Только после смерти этого благодетеля эллинов можно говорить о зарождении тенденции обожествления царя. Его сын Митридат Евпатор, стремившийся укрепить свою власть в условиях жесткого противоборства со стороны противников, поддерживаемых римлянами, использовал полисный культ Аполлона и царский культ Персея для создания синкретического общегосударственного культа правителя, призванного посмертно возвеличить фигуру его отца. После этого с подачи царской пропаганды Митридата Евпатора стали самого отождествлять с богами и героями-богами исключительно из состава греческого олимпийского пантеона, и это было направлено на получение поддержки со стороны греческого населения державы. Постепенно он был приравнен к богам, что нашло отражение в принятии им эпитета «Дионис». После военных побед во время войны с римлянами в 87 г. до н. э. он был уже триумфально обожествлен и его культ официально распространился по всему царству. Для его формирования царская пропаганда официально навязывала подданным, включая эллинские города, таких греческих богов и героев, которые легко отождествлялись с анатолийскими и отчасти иранскими аналогами. Что касается Боспора, то после подчинения его Понту и почитания там обожествленного Митридата Евпатора Диониса никаких других правителей как богов там не чтили. Это было связано с распространением культа божественных римских императоров и почитанием Перисада I в качестве бога, культ которого сохранял значение общегосударственного как минимум до конца III в. н. э.

Раздел о культе правителя в Парфянской державе написан польским исследователем М. Ольбрыхтом. В нем отмечается, что почитание там царских предков, по мнению большей части исследователей, не являлось местной особенностью парфянской зороастрийской религии. Эта черта могла появиться вследствие греко-македонского влияния, хотя отдельные проявления этого культа уходят корнями в Ахеменидскую эпоху и относятся к периоду 550–530 гг. до н. э. Однако, по мнению ученого, в культе парфянских Аршакидов прослеживается влияние со стороны кочевников, например кушан. В целом же царский культ в Парфянском государстве сложился на основе местных традиций, но под влиянием иранских и селевкидских, греко-македонских в своей основе, религиозных представлений.

В монографию включен и раздел о царском культе в Коммагене, который подготовлен С. В. Обуховым. В нем отстаивается идея о том, что династический культ в этом государстве сложился при Митридате Каллинике. Антиох I Коммагенский расширил и укрепил эту практику, сделав приношения пред-

кам-царям более обширными, тем самым укрепив культ Арсама как обожествленного предка своей династии. В коммагенском культе царя отчетливо проявляются греко-македонские и иранские традиции, причем последние едва ли не преобладают.

Если оценивать включенные в монографию разделы о царских культах в эллинистическую и постэллинстическую эпохи, то можно разделить исторические ситуации, в которых складываются эти идеологические системы, на два типа. К первому из них мы отнесем ситуации, в которых личное прославление правителя сочетается с попыткой придать сакральность его власти и берет свои истоки собственно в греческой традиции. Так, на Кипре культ правителя сохранял черты еще крито-микенской эпохи и испытывал влияние восточной традиции. В эллинских городах-государствах он был связан с почитанием героев и богов, охранителей тиранов. Последние сами стремились внушить гражданам идею поклонения сильной и деятельной личности, т. е. в конечном итоге возвеличивать их — тиранов, ибо в условиях кризиса полисных устоев психология подданных объективно изменялась в сторону почитания единодержавной власти. Ситуации второго типа складываются в условиях подъема могущества Македонии и ее царей, прежде всего Александра, установившего греко-македонское преобладание в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке: институционализация их власти не только в Македонии, но и над греческим миром побудила к тому, чтобы придать их автократии особое идеологическое обоснование, рассчитанное в большей мере на эллинов, а также и на македонян, поскольку власть их царей перерастала традиционные патриархальные рамки и приобретала новое качество. Это привело к включению в пантеон полисных богов образа властителя, которого сначала приравнивали к богам, а позднее стали почитать как обожествленного правителя. На территориях, которые вошли в состав державы Александра, а затем и его преемников — диадохов, а также в государствах, не входивших в сферу македонского завоевания, но испытывавших влияние греко-македонских обычаев и культуры, культ обожествленного царя поначалу не пользовался популярностью. Однако, чтобы закрепить власть, греко-македонские властители и владыки, которые им подражали, начали внедрять культы обожествленных предков, вскоре превращавшиеся в культы богоизбранных единодержавных царей. При этом в качестве главного рычага давления использовались преимущественно греко-македонские традиции, с которыми взаимодействовали местные культурные традиции и религиозные представления. Таким образом создавались условия для формирования культов обожествленных царей, которые находили все больше и больше почитателей среди широких слоев населения. На бытовом уровне это привело к распространению синкретических греко-восточных культов, популярность

6

которых пережила рамки эллинистической эпохи и плавно перетекла в новую реальность, связанную с установлением господства Римской империи в Средиземноморье и в значительной мере на прежних территориях эллинистического Востока.

В разделах монографии, посвященных культу властителей в Римской империи, прослеживаются основные особенности формирования идеологии императорской власти и характерные черты ее почитания. В небольшом очерке В. А. Леуса, посвященном Сципиону и сообщениям о том, что варварские племена воспринимали его как царя, отмечается его личное отношение к таким титулам *imperator* и *rex*. Автор указывает, что иберы могли думать, будто Сципион — это действительно римский царь, поэтому использовали этот титул, чтобы показать его верховный статус в Испании. Это привело самого Сципиона в замешательство и могло повредить его политической карьере, хотя в эпоху Цезаря и Августа его могли воспринимать как прообраз римского императора — полновластного полководца, опирающегося на армию. Такое восприятие этого военного и политического деятеля связано с существованием культа Сципиона в литературных кругах и его тесной связи с культом императоров, который, начиная с Цезаря и Августа, зарождается в Риме.

7 В статье Е. В. Смыкова и А. В. Короленкова прослеживаются отдельные аспекты политики Суллы в области религии в связи с почитанием личности этого выдающегося полководца. Авторы подчеркивают, что применительно к Сулле новшеством в его политике было не самоутверждение в качестве сильной личности за счет сограждан, а попытка обратиться к божественным связям общины на выдающуюся личность, т. е. на себя. В этом смысле Суллу можно назвать родоначальником римского императорского культа, в котором главное значение приобрела не личная божественность правителя, а особое покровительство богов. В разделе о личности Цицерона, где сделан анализ свидетельств литературной традиции, в которой он обвинялся в стремлении установить царскую власть на манер эллинистической, Н. В. Бугаева отмечает, что оратор откровенно заявлял о своей богоизбранности в поэзии и эту же линию, но более осторожно, проводил в автобиографических сочинениях 62–60 гг. до н. э. В публичных выступлениях он был сдержаннее, а более мощную саморепрезентацию придало ему возвращение из изгнания. Пробившись к вершинам власти в олигархическом государстве, он максимально использовал возможность подчеркнуть превосходство над окружающими, заимствовав это из арсенала авторитарной власти. В разделе, посвященном Гаю Юлию Цезарю и установлению императорского культа в Риме, подготовленном Е. А. Гуськовым, подчеркиваются выдающиеся заслуги этого государственного деятеля, предвосхитившие создание культа императоров в Римской империи. По мнению автора, только Цезарь мог претендовать на боже-

ственный титул. Но как родоначальник императорского культа он зависел от политических условий в государстве, к созданию которого имел непосредственное отношение. Обожествленные цезари — императоры последующего времени — были как бы обезличены, а их индивидуальные особенности сглажены, тогда как самого Цезаря (и еще некоторых императоров) этот процесс практически не затронул. По крайней мере, в I в. н. э. культ Цезаря по-прежнему продолжал существовать и в форме народных верований, и в области суеверий. Несмотря на то что «божественный Юлий» так и не приобрел никаких специальных «полномочий» на Олимпе-Капитолии, римляне, очевидно, рассматривали его как божество, на поддержку которого можно рассчитывать. Культ Цезарей, полагает Е. А. Гуськов, был, по существу, частным культом, вынесенным за пределы отдельной фамилии. Серия сенатских декретов или муниципальных постановлений, формально самостоятельных, предписывала населению почитать их как верховных правителей. Почитание императоров наряду с гением правителя фокусировалось также и на отце государя, числившегося среди богов: ни одна частная фамилия не могла этим похвастаться.

8

Два раздела монографии посвящены императорскому культу при преемниках Цезаря. В статье Я. Ю. Межеричко исследуется проблема, связанная с почитанием императора Августа как правителя и яркой личности. Автор подчеркивает, что в правление Августа Римская держава находилась в самом начале пути превращения в единую империю. Поэтому в культе правителя сосуществовали различные типы его почитания, основанные на религиозных традициях: ближневосточно-ветхозаветное божественное избранничество, полубожественное происхождение, т. е. «героический» тип, благодарность спасителю и гаранту благополучия. Подобное почитание восходит к эллинистическим традициям царских культов, однако при этом существовали типологические различия между римским («гражданским») и греческим («царским») вариантами культа Августа. В более чем полувековом развитии его культа применительно к Риму выделяются филиастический этап («сын божественного»), аполлоновский и понтификальный этапы (система почитания Гения и Ларов Августа, сформированная Августом в качестве верховного понтифика). В гражданском почитании вершиной было звание Отца отечества, в религиозном — посмертный апофеоз, когда специальный декрет сената учредил государственный культ основателя Римской империи. При жизни Августа его почитание не успело превратиться в чисто формальный институт, оно сохраняло эмоциональные элементы, преимущественно признательность и восхищение. В разделе, написанном В. Н. Парфеновым, раскрывается характер императорского культа при Домициане. По мысли автора, Домициан явно хотел, чтобы титул принцепса позволял ему внушать подданным по-

читать его в качестве «владыки и бога» и это выглядело бы как выполнение воли суверенного *populus Romanus*. На римском Востоке, где сохранялись эллинистические традиции, проблемы с таким подходом к культу властителя не было, ибо там культ обожествленного царя имел давние традиции. В греческих городах Италии подобная практика внедрялась в «добровольно-принудительном порядке» (ослушник рисковал угодить в тюрьму). Поэтому, полагает В. Н. Парфенов, можно предположить, что на периферии, в отличие от столицы, император проводил «обкатку» идеи о своем божественном происхождении и сущности в достаточно жесткой форме. Однако в самом Риме внедрить такую идеологию официально у него не хватило ни времени, ни возможностей.

Если подытожить все сказанное о культе правителя в Риме, то можно отметить две основные тенденции. Первая состояла в том, что появление культа выдающейся личности в поздней Римской республике было подготовлено объективными условиями развития этого государства и в меньшей степени испытывало влияние эллинистических традиций Востока. Вторая тенденция — более тесное переплетение римской традиции с заимствованиями из «идеологического опыта» эллинистических царств — наблюдается уже в эпоху Римской империи, начиная с ее ярких проявлений в принципат Августа. На этом этапе в состав римских владений вошли обширные земли на Востоке, и по их границам возникли вассальные царства, где сохранялись чисто эллинистические воззрения на верховную власть правителей.

Авторы и редакторы монографии искренне надеются, что предлагаемый труд вызовет большой интерес у всех, кто интересуется и занимается проблемами древней истории, как среди специалистов — историков античности и востоковедов, археологов, филологов-классиков, так и просто у читающей публики.

С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин